

Анна Осокина

**На хрустальных осколках.
Исцели мое сердце**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-75

Осокина А.

О-75 На хрустальных осколках. Исцели мое сердце / Анна Осокина. – М.: Литнет, 2026. – 188 с.

ISBN 978-5-521-93895-7

Год назад кардиохирург Алексей потерял в аварии беременную женщину. С тех пор он словно проживал «день сурка»: работа в больнице, дом и снова работа. Но в один миг все перевернулось с ног на голову, когда к нему поступила беременная пациентка с остановкой сердца. Он вытащил с того света её, но не смог спасти ребёнка.

Майя думала, что у неё идеальная семья, пока не узнала об измене мужа. Из-за стресса у неё случился сердечный приступ. Она лишь хотела добиться того, чтобы врач, по её мнению, виновный в смерти ребёнка, лишился права на врачебную деятельность, но все вышло из-под контроля.

Имеет ли Майя право испытывать к этому человеку нежные чувства? И предаёт ли Алексей память жены, думая о своей пациентке? А, может, небо даёт им обоим второй шанс на обретение семьи?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93895-7

© Литнет, 2026

© Осокина А., 2026

Глава 1

Алексей

В палате реанимации чуть слышно гудел инфузионный насос, равномерно пищал кардиомонитор. За годы работы в больнице я привык к этим звукам, они меня успокаивали. Даже не глядя на показатели, я слышал, что с пациенткой все в порядке. Теперь – в порядке, хотя несколько часов назад она чуть не умерла.

Такая молодая... Ее светло-рыжие, почти золотистые волосы были откинuty на подушку, не скрывая бледного лица. В любой другой ситуации я ушел бы домой отдыхать после шестнадцатичасового дежурства, но не сейчас. Остался, чтобы лично сообщить девушке обо всем, когда она очнется. А новости, к моему глубочайшему сожалению, были ужасными. Впервые не знал, как сказать пациентке о том, что с ней произошло: «Мне очень жаль» или «Мы сделали все, что было в наших силах»? Как же заезжено это звучит! Руки непроизвольно сжались в кулаки от бессильной злости. Где-то в глубине груди начала зарождаться паника. Так иногда случалось после смерти Леры. Я принялся дышать глубоко и равномерно, пока не почувствовал, что начинаю успокаиваться.

Устало прикрыл глаза и покачал головой. Нет, это все не то. Не те слова, которые ей нужны! Но проблема в том, что, какие бы я слова ни подобрал, от этого ничего не изменится. Сделал ли я в этой ситуации все, что мог? Да. Станет ли ей от этого легче? Не думаю.

Девушка издала звук, который и стоном назвать трудно – настолько тихим он вышел. Я поднялся со стула, где сидел уже несколько часов, и подошел к ее койке. Анестезия заканчивала действие. Она с трудом открыла глаза и попыталась сфокусировать на мне взгляд.

– Майя, вы знаете, где находитесь? – спросил у нее мягко.

Она несколько секунд осмысливала вопрос, потом медленно кивнула. Я видел, что она испытывает жуткую слабость после наркоза и всего, что с ней случилось.

– Помните меня? Я ваш врач. – Встал так, чтобы ей не пришлось двигать головой, глядя мне в глаза.

Девушка снова чуть заметно кивнула. На пару секунд прикрыла веки и снова с усилием их распахнула.

– Что... – шепнула она, но я перебил ее, зная, что ей трудно говорить.

– Вы попали в аварию, потому что вам стало плохо с сердцем, – старался не сыпать терминами, чтобы пациентка все поняла, потому что она еще не до конца пришла в себя.

Руки ее непроизвольно дернулись к животу. Она так на меня смотрела, еще не задав главный вопрос, что мне хотелось на том самом месте провалиться сквозь пол, только бы больше не видеть того, что отражалось в ее глазах цвета гречишного меда. Убежать, раствориться – что угодно, только бы не говорить это вслух!

– Малыш?... – Ее нижняя губа задрожала, кажется, она все поняла по выражению моего лица. Если бы я был хорошим актером, наверное, поступил бы в театральный институт, а не в мед. Но актер из меня никакой, поэтому она читала меня как открытую книгу.

– Простите, мы не смогли сохранить беременность, – сумел кое-как выдать из себя.

Лицо ее исказила гримаса боли, а рот приоткрылся в беззвучном крике. Она не издала ни звука, а глаза оставались сухими, но я будто оголенных проводов под напряжением коснулся, глядя на это ничем не прикрытое страдание.

Сердечный ритм немного сбился, о чем сразу сообщил монитор резкими звуками.

– Майя, успокойтесь, дышите ровно, слышите меня?

Она мотала головой, дыхание участилось. Этак она до нового приступа себя доведет. Пришлось попросить вошедшую медсестру

добавить пациентке еще препараты. Очень скоро писк прибора снова стал монотонным, а девушка расслабилась и заснула.

– Алексей Викторович, шли бы вы домой. – Медсестра сочувственно улыбнулась, коснувшись кончиками пальцев моего предплечья. – Мы тут сами справимся.

Как же я ненавидел этот взгляд! Таким меня провожали после смерти Леры все коллеги. Это сострадание вперемешку с сочувствием. Как же хотелось... напиться! Да, это было именно то, что мне в тот момент требовалось. Только бутылка чего-нибудь крепкого, что заставит просто вырубиться без сновидений.

Коротко кивнул медсестре и, не оглядываясь, вышел из палаты. Я сделал для этой девушки все, что мог. Так почему же мне казалось, что с позором убегая от нее?..

Несмотря на усталость и усиленные возлияния, сон не шел. Ощущая слабость в ногах, вышел из квартиры и направился вдоль набережной реки. Несмотря на глубокую ночь, город не спал. Мегаполисы никогда не засыпают полностью. Это как огромный муравейник, где у каждого свои заботы, где каждому плевать на другого...

Показалось, что меня вывернет. Перегнулся через перила, но все обошлось. Тошнота отступила. А я так и остался висеть на перилах, глядя на темную воду, которая отражала фонари по другую сторону реки. Не знаю, как долго так стоял. Мозг подбрасывал вспышки воспоминаний о событиях с последней смены.

В этот раз я дежурил в отделении скорой помощи, куда нас отправляли примерно раз в две недели. Хотя в последние месяцы я дежурил в неотложке чаще: брал дополнительные смены, подменял коллег по ночам – все, только чтобы не оставаться одному в квартире. Холодной и пустой, несмотря на то, что стояла середина лета. Я заваливал себя работой, а в перерывах на отдых пил, ведь каждый справляется с горем как может. Это мой способ уйти от реальности.

День выдался тяжелым с самого начала хотя бы потому, что ровно год назад я потерял жену. Как чувствовал, что ничего хорошего сегодня можно не ждать. Интуиция не подвела.

У новорожденного, который появился в нашей больнице несколько часов назад, обнаружили порок сердца. Крохотный пациент нуждался в срочной операции, иначе он не выжил бы. Мальчик был доношен и в остальном здоров, но без хирургического вмешательства не дожил бы до следующего дня. Я имел опыт в детской хирургии, однако это всегда давалось мне тяжелее. И даже не из-за размеров органов, хотя и это играет роль. Оперировать ребенка мне всегда сложнее в моральном плане. Наверное, врач не имеет права так рассуждать, не нам судить, кто обязан выжить, а кто – нет. Но все же когда я оперировал взрослых, понимал, что они узнали, что такое жизнь, может быть, цинично, но это так. А дети... Я как будто брал ответственность за их будущее. Как будто, если не я, то им уже никто не поможет. Впрочем, часто так и получалось.

Это вовсе не значит, что, оперируя взрослых, я прикладывал меньше усилий. Нет, я всегда выкладывался на сто процентов. Но, работая с детьми, я словно шел по острому лезвию. И это крайне выматывало.

Операция маленького мальчика прошла успешно, без каких бы то ни было неприятных сюрпризов. Ему предстояла еще одна операция через несколько месяцев, но плановая и не такая трудная.

Я уже представлял радостные слезы его матери, когда буду сообщать ей о том, что ее ребенку больше ничего не грозит, что пройдет несколько месяцев, и он будет расти без всяких ограничений, как и его полностью здоровые сверстники. В будущем он сможет заниматься и футболом, и плаванием, и любым другим спортом, который только выберет! Лишь первое время ему понадобится чуть больше внимания, чем обычным детям, а потом он ничем не будет отличаться от других малышей.

Однако получилось совсем не так, как я рассчитывал. Когда я пришел в палату к недавно родившей женщине и с улыбкой сообщил радостные новости, она смутилась, а потом отвернулась и кивнула, лишь тихо сказав:

– Спасибо.

Женщина была немолода, хорошо за сорок, немного в теле, но трудно сказать: она всегда такая или на нее повлияла беременность. Лицо ее было изможденным, на голове – пучок засаленных волос. Конечно, роды – это не тот процесс, во время которого думаешь о внешности.

– Сейчас ваш малыш в отделении интенсивной терапии, но как только сможете подняться, я попрошу медсестру, чтобы проводила вас к нему.

В таких случаях родители всегда хотели быть как можно ближе к детям. И как я их понимал! Но в этот раз что-то было не так. Собеседница никак не отреагировала на мои слова. Я подошел ближе.

– У вас все в порядке? Позвать вашего врача? – уточнил я.

– Все нормально, ничего не надо. – Она не смотрела на меня, словно не хотела, чтобы я видел ее глаза.

Я пожал плечами и вышел из палаты, а потом подошел на пост к медсестре. Сегодня работала девушка, которую я плохо знал, потому что в родильном отделении бывал нечасто. Иногда видел ее в столовой. Симпатичная шатенка, чуть полноватая, но очень обаятельная, с живой мимикой. Она что-то сосредоточенно писала и не сразу меня заметила.

– Что с Осиповой из третьей палаты? Она какая-то странная, – сказал я.

– От ребенка отказалась, – вздохнула медсестра, отвлекшись от заполнения документов.

– Почему? – не понял я. – Боялась, что он умрет?

Мне такого было не понять, но это первое предположение, которое пришло в голову. Может, это какая-то защитная реакция? Но теперь-то с ее малышом все будет в порядке! Что не так?

– Говорит, что о беременности узнала за пару недель до родов.
– Интересно, – хмыкнул я. – Из неблагополучных? Не похоже, что пьет. Уставшая сильно, но явно не алкоголичка.

– Да нет, многодетная. У нее четверо, говорит, больше не потянет.
– А что муж?
– А нет мужа. – Медсестра развела руки в стороны. – В данных об отце ребенка прочерк.

Я пожевал нижнюю губу.

– Понятно. Значит, отказник.
– Уже связались со службой опеки.
– Может, еще передумает? Поговорю с ней. – Я направился обратно в палату.

Но, когда я вошел, женщина спала. Или делала вид, что спит. Не стал будить и, поджав губы, пошел в отделение скорой помощи, где в тот день дежурил. Почему-то подсознательно я был уверен, что Осипова не поменяет решения.

Я не мог представить, в какой ситуации она оказалась. Да и не хотел, если честно. Осуждал ли я ее? Нет. Не в моих это правилах. Но все же становилось больно при мысли о том, что этого ребенка, возможно, ждет трудная судьба.

Очень скоро мне стало не до размышлений, потому что нам привезли экстренную пациентку.

– Майя Белова, двадцать шесть лет, – сухо сообщил мне фельдшер скорой, передав документы с описанием лечения, которое девушка успела получить, – двадцатая неделя беременности, подозрение на инфаркт. Была за рулем, врезалась в ограждение на дороге, очевидцы вызвали скорую.

Он говорил это, а у меня внутри все в один миг перевернулось. А в район солнечного сплетения будто уголек упал. Это было физически больно, он невыносимо жег. Я испытывал гребанное дежавю! Попытался взять себя в руки.

– Какие-то сопутствующие травмы? – уточнил я, принимая вместе с медсестрами пациентку, лежавшую на каталке.

– Больше ни на что не жаловалась. – Коллега покачал головой. – Сработали подушки безопасности.

– Спасибо, – кинул я ему на ходу, удаляясь в отделение вместе с пациенткой.

– Майя! – Я посмотрел на девушку, пока ее подключали к кардиомонитору. – Слышите меня? Я кардиолог, мы вам поможем, хорошо?

Она испуганно закивала, хватаясь за живот.

– Что болит? Живот?

– Нет, – часто дыша, сказала она. – Давит, – девушка показала руками на грудь, подняв их к шее и голове, – сильно давит...

– Ей нужен кислород, – обратился к медсестре. – ЭКГ, кровь на анализы, – давал стандартные указания.

– Алексей Викторович, у нее вагинальное кровотечение, – сказала ее коллега.

– Нет! Нет! – вдруг закричала Майя, подскочив на каталке, и впи-
лась в мою руку ладонью так, что я ощутил всю силу ее отчаяния. –
Доктор, спасите ребенка!

– У нее тахикардия¹.

– Пожалуйста, спасите малыша! – Пострадавшая хватала ртом
воздух, сорвав с себя кислородную маску. – Доктор, умоляю! Мой
ребенок!

– Майя, если мы не спасем вас, то и ребенок погибнет. – Я по-
пытался снова надеть на нее маску, но она не слушала, как безум-
ная цепляясь за мои ладони, и все время мотала головой. А потом
вдруг обмякла и упала обратно на каталку.

– Давление падает, – сообщила медсестра.

– Фибрилляция желудочков²! – Бросил быстрый взгляд на мони-
тор, ощущая, как начинаю паниковать. «Возьми себя в руки! Возьми

¹ Учащенное сердцебиение, нарушение сердечного ритма.

² Опасное состояние, которое характеризуется частым (200–300 сокра-
щений в минуту) возбуждением желудочков сердца.

в руки, черт тебя дери!» – мысленно вопил я сам на себя. – Набор для интубации!¹ – скомандовал я. – Дефибриллятор?²! – крикнул, когда вставил пациентке трубку, которая помогала ей дышать.

Кто-то подал мне прибор. Я приложил электроды к грудной клетке.

– Разряд!

– Ничего.

– Миллиграмм адреналина!

– Есть адреналин, – подтвердила сестра, когда ввела препарат.

– Разряд! – снова скомандовал я.

И снова ничего. На миг я словно потерялся во времени. Мне показалось, что передо мной лежит не девушка, которую я вижу в первый раз в жизни, а моя жена. У них даже волосы одного цвета: золотистые с медным оттенком. Я знал, что если посмотреть на нее на солнце, она будет казаться рыжей. Знал, потому что столько раз видел, как солнце играет в волосах Леры...

– Еще адреналин! Разряд!

– У нее асистолия³. – Коллега покачала головой.

– Разряд!

– Алексей Викторович, у нее асистолия! Хватит!

Я кинул электроды и принялся качать грудную клетку вручную. По лбу катились крупные капли пота, но кардиомонитор показывал отсутствие сердечной деятельности, а я все продолжал реанимацию, несмотря на непривычную тишину, которая образовалась вокруг меня, если не считать писка приборов.

¹ Установка трубки в трахею для того, чтобы обеспечить проходимость дыхательных путей и провести искусственную вентиляцию легких.

² Прибор, использующийся в медицине для электроимпульсной терапии грубых нарушений сердечного ритма. Не используется при асистолии, так как это не имеет смысла.

³ Прекращение деятельности сердца с исчезновением биоэлектрической активности.